

Судьба «дворянского гнезда». Воспоминания краеведа Александра Крупенкова о Белгороде

БЕЛГОРОДСКАЯ ПРАВДА

В этом доме на Белгородском проспекте, 88 жил Александр Николаевич Крупенков / Фото: Вадим Кумейко

6 мая 2021 года Александру Николаевичу Крупенкову исполнилось бы 70 лет. Этот талантливый, умный, добрый человек ушёл от нас очень рано. Его нет уже 8 лет.

Последние годы он сильно болел, но не прекращал работать. У Александра Николаевича было много планов, которые он не успел воплотить в жизнь. Он мечтал написать воспоминания о Белгороде – городе, в котором он прожил полвека, который очень любил и посвящал ему свои работы.

Александр Николаевич начал писать воспоминания в 2009 году, но, к сожалению, не успел закончить. Надеемся, для жителей Белгорода эта публикация будет интересна.

Любим, помним...

Наталия Александровна и Тамара Юльевна Крупенковы

Недавно в редакцию «Белгородской правды» обратилась вдова известного белгородского краеведа Александра Крупенкова. Тамара Юльевна сообщила, что обнаружила в архиве мужа нигде ранее не публиковавшиеся воспоминания о Белгороде. С согласия Тамары Крупенковой «Белгородская правда» начинает публикацию труда Александра Николаевича «Мои воспоминания о Белгороде». По просьбе родственников краеведа, тексты публикуются без редакционной правки.

Вступление

Работая в 2006 году над сборником «Белгород в воспоминаниях белгородцев», я с удивлением обнаружил, что никто из уроженцев Белгорода в XIX веке не оставил своих воспоминаний о родном городе. Только трое из проживавших в нём в разные годы позапрошлого столетия в воспоминаниях о своей жизни очень кратко вспомнили и о Белгороде. Великий русский актёр **М.С. Щепкин**, проживший в Белгороде около пяти лет, посвятил городу, в котором прошли его детские годы, менее странички в своих знаменитых «Записках актёра Щепкина». Почти столько же написал о годах учёбы в Белгороде обер-секретарь Сената **Н.М. Колмаков** в «Очерках и воспоминаниях с 1816 года». Интересные воспоминания об учёбе в Белгороде в духовной семинарии оставил курский историк **А.А. Танков**. Вот, пожалуй, и всё.

Не богат на воспоминания оказался и XX век. Немногие белгородцы отразили на бумаге события 1900–1990-х годов. А то, что было написано, в основном посвящено или революционным событиям, или Великой Отечественной войне и участию в них авторов воспоминаний. Практически нет воспоминаний о Белгороде 1920-х, 30-х, 50-х и 60-х годов. Чтобы восполнить этот пробел, пришлось обратиться к старожилам города с просьбой написать самим или начитать на диктофон свои воспоминания. Откликнулось на просьбу около 20 человек в возрасте от 50 до 92 лет. Их воспоминания вошли в сборник «Белгород в воспоминаниях белгородцев».

Именно во время работы над этой книгой родилась мысль начать писать воспоминания о городе, в котором я живу уже почти полвека и который за эти годы стал мне родным. Может быть, в будущем кого-то из исследователей старого Белгорода заинтересуют и мои воспоминания о 1960–2000-х годах.

25 февраля 2007 г.

Александр Крупенков

Наш дом

Наша семья переехала в Белгород из Вологды, где мы проживали около пяти лет. Сначала в 1962 году переехали отец и мой старший брат **Володя**. Поселились они в общежитии во дворе профтехучилища № 6 за магазином «Наглядные пособия» по улице Коммунистической (*ныне улица Преображенская. – БП*) между улицами Воровского (*сейчас улица Князя Трубецкого. – БП*) и Кирова (*Белгородского полка. – БП*). В старые времена на этом месте находился знаменитый Селивановский сад. Через год переехали и мы: мама, средний брат Юра и я, но не в общежитие, а уже в жилой дом на углу улиц Литвинова и Красина (*Белгородского проспекта и Николая Чумичова соответственно. – БП*).

Отцу дали (естественно, бесплатно) одну комнату в трёхкомнатной квартире обкомовского дома на первом этаже с окном во двор, в которой мы и жили впятером около года. В другой большой комнате с эркером, выходящим на улицу Литвинова, – зале – жила многодетная и шумная семья **Бочкарёвых**. Третью маленькую комнату занимала одинокая тётя **Маруся Сапрыкина** – уборщица обкома партии. Где-то через год Бочкарёвым дали квартиру в старом доме по улице Карла Маркса, а освободившуюся комнату заняли мы. Тётя Маруся жила с нами ещё несколько лет. Потом и ей дали однокомнатную квартиру, а мы остались одни в трёхкомнатной. Отец тогда работал корреспондентом «Белгородской правды» и, кажется, был единственным квартироръёмщиком во всём доме, работавшим не в аппарате обкома партии.

Дом наш по Литвинова, 88 начал строиться сразу после образования Белгородской области в 1954 году специально для работников обкома КПСС, которые направлялись в Белгород из других областей, в первую очередь из Курской. Первые два года жили они кто где: одни проживали по улице Парковой в общежитии – двухэтажном доме из красного кирпича, другие на частных квартирах, и не только в центре города, но и на Песках, Супруновке и в других местах. Первый секретарь обкома **Михаил Константинович Крахмалёв** с 1954-го по 1956 год жил с семьёй в доме на западном углу проспекта Мира (потом – Ленина) и Чернышевского (*сейчас – 50-летия Белгородской области. – БП*) на втором этаже со стороны проспекта. Этот типовой двухэтажный дом постройки начала 1950-х годов сохранился до сих пор. На первом его этаже с улицы Ленина (*ныне – Свято-Троицкий бульвар. – БП*) в 1960-х годах размещался галантерейный магазин, потом магазин школьных принадлежностей «Пионер», а теперь магазин «Патент». В квартире Крахмалёва после его переезда поселился с семьёй ответственный секретарь «Белгородской правды» **Д. Фунштейн**, а теперь в ней проживает его дочь – учитель немецкого языка средней школы № 4 **Наталья Давыдовна**.

Обкомовский дом на Литвинова сдали в эксплуатацию в самом конце 1955 года, а заселялся он в последний день года 31 декабря. Это был новогодний подарок работникам обкома партии. Потом мои соседи, проживавшие в доме с первого дня, рассказывали, какой это был большой для них праздник, как они радовались, расставляя по комнатам старую мебель и наряжая новогоднюю ёлку. Заселив квартиры, новосёлы принялись за благоустройства двора, по вечерам после работы многие жильцы выходили убирать строительный мусор, сажать деревья и цветы.

Часто проводились субботники, организованные самими жильцами, в которых принимали участие все – от обкомовской уборщицы тёти Маруси до первого секретаря обкома партии.

К нашему приезду двор был уже полностью благоустроен и выглядел очень красиво. Посредине его была большая клумба, засаженная разными цветами. Наша соседка по лестничной площадке, старшая дома **Ольга Ивановна Ермолаева** каждое утро весной и летом стояла со шлангом в руках и поливала их. За клумбой, ближе к воротам, росли два красивых больших куста роз. Все ими любовались: и жильцы дома, и прохожие. Посадила эти розы семья **Окороковых**, а их старенькая бабушка целыми днями сидела на табуретке возле них, отдыхала, наслаждалась и оберегала, чтобы дети или кто из посторонних не обламывал розы. На зиму их заботливо укрывали тёплыми одеялами до тёплых весенних дней. Потом бабушка умерла, и розы вскоре погибли.

В мае 2014 года в Белгороде открыли памятную доску Александру Крупенкову / Фото: Мария Литвинова

В дальнем углу двора у погреба была построена беседка, в которой днём играли дети, а после работы её занимали мужчины нашего двора и до позднего вечера играли в домино или шахматы. Потом, когда уже убрали милицейский пост, беседку облюбовали любители выпить, которые часто сквернословили при детях и причиняли много беспокойства жителям дома. Поэтому беседку решили перенести в центр двора. В один из выходных её разобрали, перенесли на новое место и собрали заново. Работали сами жители дома: и мужчины, и женщины, и дети. Я тоже, помню, таскал с ребятами доски с одного конца двора на другой. Сначала всё было хорошо. Просторная беседка была любимым местом отдыха детворы, а взрослые всё реже и реже выходили по вечерам «забить козла». А потом, уже в 1990-х годах, стали по вечерам собираться в беседке какие-то молодые люди, а по утрам дворник убирал за ними не только окурки и пустые бутылки, но и шприцы, что было совершенно новым явлением. Вскоре наша беседка стала прибежищем алкоголиков и наркоманов, которые собирались здесь уже не только по вечерам, но и днём. Тогда и было решено снести беседку совсем. Правда, не все поддержали эту затею. Те, кто имел маленьких детей, были категорически против, мол, детям негде будет играть, старики настаивали на том, чтобы снести «этот притон». Вскоре беседку убрали. На клумбе, в центре двора, никто уже не высаживал цветы – выросшие на ней три огромных каштана полностью затенили её. Массивный кирпичный забор рухнул сам по себе, и двор стал проходным. Дом, называвшийся много лет «дворянским гнездом», теперь никто не ремонтирует, никому до него нет дела. Только в 2008-м впервые за полвека его впервые покрасили.

В первом обкомовском доме поселились первый секретарь М.К. Крахмалёв, секретари и инструктора обкома партии. Крахмалёв жил в этом доме в первом подъезде на втором этаже в четырёхкомнатной квартире до перевода в Брянск в 1960 году. Первого секретаря обкома партии, как и было положено в то время, круглосуточно охранял милиционер. На лестничной площадке первого этажа находился его пост – стояла тумбочка, на ней телефон, а рядом стул. Обязанностью милиционера было не пускать посторонних во двор и особенно в первый подъезд. Если заходили в подъезд свои жильцы, он обычно вставал со стула и здоровался, а если кто-то незнакомый – спрашивал, к кому он идёт. Никаких нарушений, а тем более хулиганства или преступлений на моей памяти не было. Милиционер дежурил в подъезде скорее просто для порядка, потому что так было положено по закону.

Потом, когда первый секретарь уехал из нашего дома, пост дежурного милиционера перевели в наш, средний подъезд, где на втором этаже проживал председатель облисполкома **Михаил Дмитриевич Хитров**. А мы жили на первом этаже, и я ежедневно по несколько раз видел этих милиционеров и часто общался с ними. Их было 3 или 4 человека, закреплённых за обкомовским домом на постоянное дежурство, поэтому все в доме хорошо их знали. Иногда они рассказывали нам, детям, собиравшимся в беседке или на лавочке во дворе, разные истории из своей милицейской жизни, и мы, разинув рты, с интересом слушали их. Дежурили милиционеры по одному, меняя друг друга. Особенно запомнился мне один из них, звали его, кажется, **дядя Володя**, весёлый и добрый человек, очень любивший детей.

Крахмалёва я не застал. Когда мы приехали в Белгород, он уже полтора года работал в Брянске. Но помнили его тогда ещё многие белгородцы. Разные я слышал о нём отзывы от своих соседей – и хорошие, и не очень. Но больше всё же вспоминали хорошее и, как правило, отмечали главное в его стиле руководства – внимание к людям. Приходилось слышать и не очень лестные отзывы о нём, которые и вспоминать не хочется, но, мне кажется, говорили это те работники обкома и их жёны, у которых были в своё время какие-то конфликты с руководителем области.

Памятная доска на доме, в котором жил Александр Николаевич / Фото: Вадим Кумейко

А вот о втором секретаре обкома КПСС по промышленности **Константине Степановиче Попове**, жившем в квартире Крахмалёва после его отъезда из Белгорода, слышал только исключительно положительные отзывы. Добрую память оставил он о себе и как внимательный, чуткий, в то же время требовательный, но справедливый руководитель, и как добрый, отзывчивый человек и прекрасный семьянин. Многим людям он помог устроиться на работу, получить квартиру или расширить жилплощадь. Помог он и нашей семье. Долго бы мы жили ещё впятером в одной комнате, если бы не Константин Степанович. Когда он узнал от жены **Тамары Сергеевны**, что семья Крупенковых из пяти человек уже больше года живёт в одной комнате, распорядился немедленно предоставить квартиру нашим соседям Бочкарёвым, чтобы освободить для нас вторую комнату. Всем он помогал абсолютно бескорыстно: и рабочим, и колхозникам, и служащим. Много он сделал для Белгорода и области, в историю которой вошёл как крупный организатор промышленного производства и активный участник освоения Курской магнитной аномалии. Был он заядлым болельщиком и не пропускал ни одного футбольного матча.

По воспоминаниям старых белгородцев, он много сделал для благоустройства белгородского стадиона. Я хорошо помню этого невысокого, скромного человека, всегда первым здоровавшегося во дворе со всеми соседями, в том числе и с нами, детьми.

К сожалению, Константина Степановича постигла трагическая гибель. Он заживо сгорел во время пожара в гостинице «Россия» в 1977 году. В то время он находился вместе с проживающим в нашем доме бывшим директором асбошиферного комбината **Павлом Васильевичем Романовичем** в Москве – Константин Степанович на курсах секретарей обкомов партии, а Павел Васильевич по своим производственным делам. Жили они оба в гостинице «Россия», но в разных местах, а по вечерам навещали друг друга. В тот злополучный вечер они сидели вместе у Константина Степановича, пили чай и играли в шахматы. За час до пожара К.С. Попов позвонил домой жене и сказал, что всё в порядке и он будет готовиться ко сну. П.В. Романович ушёл к себе в номер, который находился с другой стороны гостиницы и на другом этаже. А ночью случился пожар. Как потом рассказывали, Константин Степанович выбежал из номера и с трудом забрался в переполненный людьми лифт. Во время спуска лифт застрял между этажами, и все находившиеся в нём люди сгорели заживо. Говорили, что опознать было невозможно никого, а К.С. Попова опознал по зубам врач-стоматолог, лечивший его. Цинковый гроб привезли в Белгород, при прощании с покойным его не открывали. Похоронили Константина Степановича на центральной аллее кладбища в Ячнево рядом с его сослуживцем и соседом – председателем Белгородского облисполкома Михаилом Дмитриевичем Хитровым, умершим ещё в 1969 году. После похорон разошлись слухи, что останков в гробу не было, потому что Константин Степанович полностью сгорел во время пожара. Так же считала и его жена Тамара Сергеевна, переехавшая с семьёй вскоре после гибели мужа навсегда в Харьков.

Александр Крупенков (в центре) с родителями. 1960-е годы / Фото: Личный архив Тамары Крупенковой

Надо сказать, что отношение многих белгородцев к нашему дому было, мягко говоря, недоброе. Мне не раз приходилось видеть по вечерам, как кто-нибудь из прохожих останавливался перед воротами дома со стороны улицы Красина и пьяным голосом кричал: «У-у, буржуи засели!» или что-нибудь подобное и грозил дому кулаком. Видимо, из-за свойственной многим людям неприязни к элитным домам и проживающим в них за нашим домом закрепилось на многие годы название «дворянское гнездо», считавшееся в то время оскорбительным.

В 1957 году был построен новый обкомовский дом, в начале улицы Чернышевского. Его заселяли другие обкомовские работники, которые проживали в основном на частных квартирах в разных концах города. С годами в нашем доме «обкомовских» становилось всё меньше и меньше: кого-то переводили на новое место работы в другие области, кто-то сам переезжал в другой город. Их квартиры занимали новые люди, не имевшие никакого отношения к обкому КПСС.

Презрительное название «дворянское гнездо» уже мало кто помнит, но до сих пор многие белгородцы по старинке называют это дом «обкомовским», хотя уже и сам обком давно канул в Лету. Из тех, кто заселился в дом 31 декабря 1955 года, сегодня уже никого нет в живых. Последними ушли из жизни бывший обкомовец, а впоследствии директор асбошиферного комбината Павел Васильевич Романович, проживший 95 или 96 лет, и супруга давно скончавшегося **Александра Михайловича Шапошникова** (бывшего первого секретаря Белгородского горкома партии и обкомовского работника) **Лидия Владимировна Шапошникова**. Она тоже прожила более 90 лет и умерла в 2008 году. В том же году умер ещё один старожил дома, поселившийся здесь несколькими годами позже, – бывший инструктор обкома партии, а потом заведующий его секретным сектором 93-летний **Алексей Михайлович Иванчихин**, оставивший интересные воспоминания о своей жизни «Это было, было...».

Конец первой части. Продолжение – в следующем номере «Белгородской правды»